

О СЛОВАХ

Весь театральный год прошел под знаком Пушкина. Почти все московские театры, словно подчиняясь правительственным директивам, выпустили спектакли по произведениям "солнца русской поэзии". (В том, что сочинения Пушкина весь год волновали режиссеров всей России, убеждает фестиваль "Пушкинская сцена", закончившийся в Москве. Организаторы — Министерство культуры, СТД, Пушкинский центр, МХАТ имени А.П.Чехова).

В московской афише наиболее популярным названием стала "Сказка о Золотом

Уроки и намеки

петушке". Есть драматический спектакль (Камы Гинкаса в ТЮЗе), балет в Русском Камерном Балете "Москва" (хореография Ивана Фадеева). Глава "Геликона" Дмитрий Бертман отметил пушкинский юбилей постановкой оперы Н.А. Римского-Корсакова. "Сказка о Золотом петушке" — вторая часть представления "Негде, в тридевятом царстве..." Московского Детского Театра Теней (режиссер В.Беляев, художник А.Крупенин). Каждый спектакль — своеобразная фантазия на тему. Текст Пушкина, даже при максимальном к нему уважении — только повод для личных высказываний режиссеров, балетмейстеров, художников.

Пожалуй, никакое другое пушкинское произведение не располагает к такому многообразию сценических трансформаций. "Золотой петушок" провоцирует самые смелые режиссерские фантазии. Ведь короткая сказка требует доводки до полноценного спектакля. Персонажи — "смешные маски" — легко переходят из одной эпохи в другую. Могут представлять традиционными лубочными персонажами в русском стиле (как в театре Теней), страшноватыми фантастическими то ли клоунами, то ли химерами (как в спектакле Гинкаса) или даже нашими современниками (как у Бертмана). В емкой пушкинской сказке множество смысловых пластов. Каждый волен вычитывать свое. Кому-то ближе сатира, кому-то — почти мистическая таинственность, а для кого-то "Золотой петушок" дорог только потому, что позволяет безнаказанно хохмить и хулиганить, лишний раз дразнить чопорных любителей классики. Проблема только в том, что, за редким исключением, постановщики видят в "Петушке" только что-нибудь одно. Уловить все смыслы сразу, выстроить на сцене полифоническое действо оказывается подчас задачей непосильной. Среди постановщиков этой сказки только Кама Гинкас не искал простых решений.

"Золотой петушок" в ТЮЗе воспринимается очень по-разному. Детей представление увлекает и радует, взрослых — пугает, даже шокирует. Постановка строится на кажущемся несоответствии режиссерских приемов и литературного материала. Гармония — одно из привычных понятий, связанных с пушкинской поэзией. Но "Золотой петушок", несмотря на музыкальность речи, написан о хаосе. Гинкас расслышал и усилил разногласие и сумятицу страшной сказки. И хотя она рассказывается по порядку, ритм стиха то и дело рвется, кантилена ломается, повествование разлетается на клочки и вновь собирается в единое целое. В первой интермедии спектакля долго обыгрывается начальное слово — "негде". И все действие не покидает ощущение, что эта история привиделась, поме-

решилась. Шемаханская царица (Ирина Лосева) — посланница потустороннего мира, предстоящая перед капризным клоуном Додоном (Арина Нестерова). Испытывающая его и уничтожающая.

Остальных режиссеров, поклонников "Золотого петушка", философия сказки волновала меньше всего. Дмитрий Бертман, уверенно сочетающий в своих постановках простодушие и цинизм, не изменил себе и на этот раз. За чистую монету принял режиссер политическую сатиру оперы, игнорируя другие смыслы произведения. Была сказка — стал памфлет — "весомый, грубый, зримый", с пафосом газетных статей и теленовостей. Царь Додон, с легкой руки постановщика обернулся президентом России. Воевода Полкан превратился в маршала, склонного к алкоголизму. Царские сынки Гвидон и Афрон — в новорусскую шпану. А Шемаханская царица стала звездой сомнительного увеселительного заведения. Пока Додон развлекался с Шемаханской распутницей, население его страны разделилось на бомжей и челночников. Третье действие геликоновского "Петушка" открывает длинная очередь за водкой. Режиссер вычистил из оперы индифферентность, превратив ее в карикатуру на злобу дня. В пушкинской сказке и в опере с их волшебными и философскими мотивами сатира — лишь "намек — добрым молодцам урок". Назидательность завуалирована, потому и звучит остро и сильно. В условиях, придуманных Бертманом, такая тонкость, как подтекст, не принимается в расчет. Но нет намеков — нет и уроков. Шоу в "Геликоне" вполне отвечает девизу общества потребителей "Съел — и порядок". А все остальное уже необязательно, вплоть до музыки Римского-Корсакова, не говоря уже о Пушкине.

Балет Ивана Фадеева "Золотой петушок" тоже всюду развлекает публику. Короткие, сменяющие друг друга сценки последовательно излагают сюжет, характеристики персонажей отчетливы, взаимоотношения однозначны. Балетмейстер воспроизводит основные события пушкинской сказки, порой весьма оригинально их интерпретируя. Волшебные персонажи колдуют над спящим царем, избирая его жертвой для своих издевательств. Золотой Петушок (Марина Никитина) задирист настолько, что готов заклевать ленивого царя задолго до финала. Додон (Сергей Сатаров), как и полагаются, глуповат и труслив, но почему-то похож на самого Пушкина. Шемаханская царица (Акико Такихаси) щеголяет в черных очках (как никак служит зоркому светилу). Коварный Звездочет (Алишер Хасанов) оказывается еще и папарацци, застукавшем насмешливую соблазнительницу и ее жертву в самом разгаре любовного свидания. Ситуации обострены, краски сгущены, движения остры и гротескны. Спектакль то и дело грозит превратиться в сплошную хохму. Смеха ради в действие вставлены посторонние танцы на грузинские и цыганские мотивы. А в финале все вдруг решили помириться — почему-то наступила Пасха, о которой на фонограмме запел ансамбль "Русь". Но все несуровости "Петушка" по своему обаятельны. Изобретательное действо легко смотрится, хотя порой походит на ряд эстрадных номеров, собранных на живую нитку.

На спектакли Бертмана и Фадеева я бы не советовала водить маленьких детей. А пушкинский утренник "Негде, в тридевятом царстве" в театре Теней можно смотреть малышам, начиная с трехлетнего возраста. Крохи не устанут, поймут все, что показывается на экране. Правда, порой появляется на нем не совсем то, что описывает сказка Пушкина. Весьма своеобразно трактуются строчки "Тут соседи беспокоить стали старого царя, страшный вред ему творя". Соседями почему-то оказались веденецкий и индийский гости из оперы Римского-Корсакова "Садко", показывающие фокусы на музыку соответствующих арий. За исключением вставных номеров, "гостей-соседей" развлекают в театре Теней достаточно остроумно. "Петушок" поставлен как своеобразный теневой балет с текстом. Кроме пушкинского, есть еще и музыкальный текст — отрывки из произведений Римского-Корсакова с определенной содержательной нагрузкой. Вражьи стрелы вьются над Додоном под "Полет шмеля". Шемаханская царица танцует на музыку "Шахерезады", и только поход войска Додона сопровождает марш из одноименной оперы. Но несмотря на игру с текстом и музыкальный подтекст, спектакль довольно поверхностно трактует сказку. Его сверхзадача — во что бы то ни стало не утомить детей, подсовывая им то одну, то другую побрякушку. А может быть, стоило просто внимательно прочитать сказку, ведь все, что умещается на неполных трех книжных страницах, хватит еще не на один десяток самых разных спектаклей.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

театр и сцена -
1999. - дек. (~49-50)